

— После наших с Митей севастопольских ежедневных двухразовых пробежек я пытался и в Калининграде поддерживать этот режим - бегать утром и вечером. Самому-то мне это ничего не стоило, напротив, доставляло удовольствие. Митя же протестовал, особенно против вечернего бега. Утром он поднимался (полседьмого!) на зарядку и бег практически безропотно (как-то утром после зарядки он заявил, что очень сильно проснулся), вечером приходилось его уговаривать, намекать, что папа может и рассердиться, чего не следовало бы допускать. Митя подчинялся, но при этом со слезами в голосе сокрушался:

— Ну почему у меня силы воли нет не послушаться тебя? Почему я тебе подчиняюсь? Я хочу перебороть твою силу воли и отказаться от бега, а не могу! Скажи, что будет, если я откажусь?

— Ты сам знаешь, что будет. Мы поссоримся, и ты сам потом будешь жалеть об этом.

— Да, я знаю. Но я всё равно хочу заставить себя отказаться, чтобы твою волю победить. А не получается! Видишь, опять ты меня заставил с тобой бежать!

— Просто у тебя ума хватило поступить разумно. Сила воли для разумных поступков нужна, а не для глупых. Кому нужна твоя сила воли, если она на глупости направлена? Никому. И тебе в том числе. Ну, допустим, ты победишь мою волю и откажешься бежать. Какая и кому от этого радость? Развивай свою силу воли для полезных дел, только такая сила воли и нужна.

— Но чаще вечерами я бегал всё же один, не заставляя бегать Митю, если он перед этим гонял в футбол. А в футбол он стал задувать теперь чуть ли не каждый день и подолгу - часа по два как минимум, а то и все четыре.

— Мите очень понравился телефильм "Мы, нижеподписавшиеся...", смотрел, не отрываясь... А любимая его телепередача "Что, где, когда" первой вышла в прямой эфир (24 октября 1987 г.). В конце передачи появился дряхленький Райкин - ему как раз 75 лет исполнилось, но из-за болезней, видать, он выглядел старше, - и тоже порадовался, что дожил до прямого эфира.

16 декабря 1987 г., там же

— На октябрьскую (1986 г.) секцию в ИЗМИРАН поехали, как обычно, с отчётами о работе за год руководители тем - Иванов, Саенко и я. Лобачевский устраивал обсуждение на секции отчётов лабораторий по темам в октябре, чтобы в ноябре сдать в Президиум АН общеполитинститутский отчёт, а там к декабрю готовили отчёт Академии, поэтому так рано и начиналась у нас отчётная эпопея.

— Обсуждение на секции носило формальный характер. Тем много, времени мало, какие-то ещё вопросы всегда имелись в повестке дня, так что на отчёты давалось по несколько минут каждому докладчику - руководителю темы, после чего оформленный "согласно требованиям" отчёт сдавался Лобачевскому. Обязательным элементом обсуждения по каждой теме было принятие решения о премировании. Премировали, разумеется, всех.

— Отстрелявшись в понедельник с отчётом, я отправился на следующий день в издательство "Наука" на разведку - выяснить, насколько строго там со сроками сдачи рукописи, нельзя ли их хоть немного отодвинуть, и каковы правила оформления рукописи. Издательство размещалось в сравнительно новом шестиэтажном здании, похожем на гайку, на Профсоюзной улице, недалеко от ИКИ, между станциями метро "Беляево" и "Калужская", то есть как раз по дороге из ИЗМИРАНа в Москву.

— Заведующая редакцией геофизики Эльвира Никитична Терентьева, дама лет пятидесяти в очках, приняла меня суховато-приветливо. Прежде всего она поинтересовалась, почему книгу такого большого объёма и, судя по всему, достаточно

общего характера, рассчитанную на довольно широкий круг читателей, мы решили издавать у них, в так называемой "плановой" "Науке", а не в Главном издательстве физико-математической литературы.

— Там с авторами заключают договор и выплачивают гонорар, здесь же гонорара наверняка не выплатят, так как тиражи, которые раскупают, обычно недостаточны, чтобы окупить расходы на издание. Поэтому здесь с авторов берут расписку, что их работа выполнена в плановом порядке, то есть в рабочее время, и на гонорар авторы не претендуют.

— Я рассказал, что обращался уже в Главное издательство, но там, во-первых, категорически отказали в запрашиваемом нами объёме - 40 авторских листов, и слушать даже не захотели, не более, мол, 20 листов, а, во-вторых, там сроки нас не устраивают, у них всё уже на три года вперёд спланировано, так что книга только через 4-5 лет вышла бы. А моему соавтору 74 года уже, эдак он может и не дожидаться выхода книги. Ну, а гонорар, - что же, Бог с ним. Не для гонорара, в конце концов, писали.

— - Что же, это Ваше дело, - резонно заключила Эльвира Никитична.

— Разговор наш далее пошёл о правилах оформления рукописи и подсчёта её объёма. Запланированному объёму в 32 авторских листа соответствует 768 страниц машинописного текста, включая рисунки, каждый из которых оценивается в среднем как 0.6 страницы.

— Я подробно выписал себе в блокнот правила, касающиеся текста, формул, таблиц, рисунков и подписей к ним, порядка цитирования и оформления списка литературы, и т.д., а также какие документы мы должны представить вместе с рукописью. Их оказалась целая куча - девять штук, включая отзывы, акт экспертизы, выписку из протокола заседания Учёного Совета об утверждении к опубликованию и т.д., и т.п.

— Но больше всего меня волновала возможность (или невозможность) отсрочки, и я замямлил, что вот, мы опасаемся не успеть к концу года из-за того, мол, что нам вместо запрошенных 40 листов дали только 32, а это потребовало переработки написанного (это, действительно, так и было: всё уже написанное и мною, и Б.Е. предстояло ещё основательно сократить), к тому же мой соавтор болел, и мы не смогли выдержать намеченный график, и нельзя ли сдавать рукопись по частям? Скажем, к Новому году мы сдадим 2/3 объёма, а остальное потом?

— - По частям мы не принимаем, - категорически возразила Эльвира Никитична. - Но если вы немного задержите, то это ещё ничего страшного.

— - А сколько это - немного?

— - Ну, если вы сдадите в 1-м квартале следующего года, то это ещё допустимо.

— - Спасибо. Мы, конечно, постараемся успеть к обещанному сроку, но знаете, мало ли ...

— Из издательства я вышел в приподнятом настроении. Ещё бы! Ведь нам фактически подарили целый квартал - дополнительных три месяца. Вот только стоит ли говорить об этом Б.Е.? Он расслабится и опять начнёт вольнку тянуть. Нет, порадуя старика, только предупредить надо, что это срок самый крайний...

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)